

Предисловие к российскому изданию

This book has special meaning for me, both because it was my first and because the psychological issue it explores has never stopped reverberating in my mind.

Эта книга имеет особое значение для меня, как потому, что она была первой моей книгой, так и потому, что психологическая проблема, которая исследуется в ней, никогда не прекращала громко звучать в моем сознании.

I did the research for the book in my late twenties, completed it in my early thirties, and have lived with what I consider to be an allergy to totalism of any kind ever since.

Я провел исследование для этой книги в конце третьего десятка лет своей жизни, закончил в начале четвертого десятка, и прожил все последующие годы с тем, что я рассматриваю как аллергию на тотализм любого вида.

I am especially pleased to make the book available to a Russian audience. To be sure, it is mostly about the Chinese Communist thought-reform project and the extraordinary range and intensity of that project. But the Soviet Communist regime clearly made an important contribution to thought reform — most concretely in the relentless confession-extraction methods and more generally in Marxist-Leninist stress upon criticism, self-criticism, and “ideological struggle.” I believe it is important for Russian readers to examine some of these aspects of their recent past.

Я особенно рад, что эта книга стала доступной российской аудитории. Безусловно, она главным образом о китайском коммунистическом проекте «исправления мышления» и экстраординарном диапазоне и интенсивности этого проекта. Но советский коммунистический режим очевидно (отчетливо) сделал важный вклад в «исправление мышления» — наиболее конкретно в неустанных методах извлечения признания и более широко в марксистско-ленинистском акценте (упоре) на критику, самокритику и «идеологическую борьбу». Я полагаю, что для российских читателей важно исследовать некоторые из этих аспектов их недавнего прошлого.

But in the end, this book is less about China or Russia than a certain psychological proclivity of the human mind toward ideological totalism — toward all-or-none claims of absolute truth and virtue. In this volume I attribute that attraction to the prolonged dependency associated with human childhood and the quest for an omnipotent guide. To that I would now add our special status as creatures who know that we die, and our quest for some kind of transcendent status that can enable us to conquer, or magically eliminate, death.

Но в конце, эта книга не столько о Китае или России, сколько об определенной психологической склонности человеческого сознания к идеологическому тотализму — к бескомпромиссным претензиям на абсолютную истину и нравственность. В этом издании я приписываю эту склонность длительной зависимости, связанной с человеческим детством и поисками всемогущей инструкции. К этому я теперь добавил бы наш особенный статус как существ, которые знают, что мы умираем, и наши поиски некоторого превосходящего статуса, который может позволить нам победить или волшебным образом устранить смерть.

As I write these words, both Russia and the United States are engaged in contemporary struggles with totalism. In Russia these struggles have to do with post-Communist forms of government control and with religious and secular forms of nationalism. In the United States they are part of a dangerous pattern of political and military excess, of responding to Islamist apocalyptic violence with an American version of such violence. I have attempted to illuminate this impulse toward controlling the outcome of history in a recent book, *Superpower Syndrome: America's Apocalyptic Confrontation with the World*. That book is much influenced by this study of thought reform, published forty-two years earlier.

В то время, как я пишу эти слова, и Россия, и Соединенные Штаты заняты в современной борьбе с тотализмом. В России эта борьба имеет отношение к посткоммунистическим формам правительственного контроля и с религиозными и светскими формами национализма. В Соединенных Штатах они — часть опасного образца политического и военного избытка, ответа исламистскому апокалиптическому насилию американской версией такого насилия. Я попытался освещать этот импульс к управлению результатом истории в недавней книге *Синдром супердержавы: Апокалиптическая конфронтация Америки с миром*. Эта книга в значительной степени испытала на себе влияние изучение «исправления мышления», изданного сорока двумя годами ранее.

I offer this edition to Russian readers in a spirit of shared commitment to democratic openness, and to opposition to totalism in both of our societies, as part of our larger responsibility to the human future.

Я предлагаю это издание российским читателям в духе общего обязательства к демократической открытости и к оппозиции тотализму в обоих наших обществах, как часть нашей большей ответственности перед человеческим будущим.

2 июля 2004

Роберт Джей Лифтон

Кембридж, штат Массачусетс